

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Р. А. Дунаев

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
Dunaev@bsu.edu.ru*

В работе рассматривается проблема антропологии виртуальной реальности, выявляются онтологические основания виртуального субъекта сквозь призму концепций М. Фуко и Ж. Делеза. Отмечается, что виртуальный субъект является неотъемлемой частью структуры бытия, децентрирован, выполняет функцию разграничения и смыслопорождения.

Ключевые слова: виртуальное, субъект, онтология.

В данной статье мы ставим своей задачей выявить онтологию виртуального субъекта, при этом сознательно ограничивая «фокус» рассмотрения конкретными авторами и работами. Два взгляда на проблему субъекта в работах Делёза и Фуко мы пробуем применить к нашей проблеме сквозь призму «Логики смысла» (Делёз) и «Герменевтики субъекта» (Фуко).

Оба избранных нами автора имеют ряд схожих черт, несмотря на очевидные различия. Одной из них является частое привлечение для анализа литературных источников, «Логика смысла», где Жиль Делёз часто ссылается на Л. Кэррола, не является исключением. Обращение к произведениям Л. Кэррола Делёз объясняет заключенным в них «договором» между «хаосом и космосом», языком и бессознательным. Это дает возможность обосновать теорию смысла, что Делёз ставит целью своей работы.

В работах Кэррола (Алиса в Стране Чудес, Алиса в Зазеркалье) Делёз усматривает события, которые он называет «чистыми». Их «чистота» заключается в соединении двух смыслов, которые сопровождают эти события. Так Алиса становится больше, чем была, но, в то же время, меньше, чем она есть теперь. Серия парадоксов, приводимых Делёзом, связана с идеей становления, трактуемой следующим образом: «сущность становления – движение, растягивание в двух смыслах-направлениях сразу: Алиса не растёт, не сжимаясь, и наоборот. Здравый смысл утверждает, что у всех вещей есть четко определенный смысл; но суть парадокса состоит в утверждении двух смыслов одновременно»¹.

Такое же разделение смыслов Делёз находит у Платона, который фиксирует наличие двух измерений: «(1) измерение ограниченных и обладающих мерой вещей, изменение фиксированных качеств..., а затем (2) чистое становление вне какой-либо меры, подлинное и непрерывное умопомешательство, пребывающее сразу в двух смыслах. Оно всегда избегает настоящего и заставляет будущее и прошлое, большее и меньшее, избыток и недостаток слиться в единовременности непокорной материи»². Именно такое становление, по нашему мнению, свойственно виртуальным объектам, равно как и виртуальному субъекту. Из такой мировоззренческой позиции следует исходить при рассмотрении онтологических оснований изучаемого субъекта.

Различие двух указанных Делёзом становлений у Платона основано различии копии и симулякра. Второе основание присуще симулякру, который не связан с Идеей и не зависит от нее. Тем самым платоновская схема становления сущего дополняется или же уточняется Делёзом: «Обладающие мерой вещи лежат ниже Идеи; но нет ли ниже этих вещей еще какой-то безумной стихии, живущей и действующей на изнанке того порядка, который Идеи накладывают, а вещи получают»³.

¹ Делёз Ж. Логика смысла: Пер. с фр. – Фуко М. *Theatrum philosophicum*: Пер. с фр. – М, 1998. – С. 13.

² Там же. – С. 14-15.

³ Там же – С. 15.

Применительно к онтологии субъекта речь должна идти о действительно странном существовании – не существовании. Виртуальный субъект есть, и в то же время его нет. Это то, что Делёз называет «парадоксом чистого становления». Тотальное тождество сопровождает само виртуальное и становление в нем человека. Алиса, на примере которой иллюстрируется такой порядок становления, является безусловным примером виртуального субъекта.

Фуко в «Герменевтике субъекта» преследует во многом схожие цели, пытаясь выяснить, что есть субъект и истина, соединенные в проблеме «заботы о себе». Если у Делёза проблема смысла упирается в онтологию, а точнее в проблему становления, то Фуко отправляется на поиски истины сквозь «двери» практики. «Забота о себе» представляет собой, безусловно, практику, но эта практика онтологична, посредством ее различных проявлений становится возможен субъект. «Забота о себе» или «концепция *epimeleia*» трактуется Фуко довольно обширно: «в концепции *epimeleia* следует различать такие аспекты: – во-первых, налицо тема некоего общего отношения, своеобразной манеры смотреть на мир, действовать, вступать в отношения с другими людьми. *Epimeleia* – это все: некое отношение к самому себе, к другим, ко всему на свете; – во-вторых, *epimeleia seauton* – это своего рода форма внимания, взгляда. Забота о себе подразумевает переключение взгляда, перенесение его с внешнего, окружающего мира с других и т.д. на самого себя... – в-третьих, *epimeleia* также всегда означает определенный образ действий, осуществляемый субъектом по отношению к самому себе, а именно, действие, которым он проявляет заботу о самом себе, изменяет, очищает, преобразует... и преобразует... себя... Наконец, понятие *epimeleia* содержит свод законов, определяющих способ существования субъекта, его отношение к окружающему, определенные формы рефлексии, которые, благодаря своим собственным характеристикам, делают из этого понятия исключительный феномен не только истории представлений, но и истории самой субъективности или, если угодно, истории практических применений субъективности»⁴.

То есть, путь Делёза и Фуко в результате сходится и местом схождения является субъект, только в одном случае он синтезирован через категорию становления, в другом через категорию практики. Причем в последнем случае, категория «*epimeleia*» не позволяет выйти ни к «странному» существованию субъекта, ни в перспективе к виртуальному как реальности.

Признание парадоксальности существования «странного» субъекта должно сопровождаться возможностью его описания. Бесконечное становление, ведущее к такому же бесконечному тождеству всех мыслимых различий, позволяет говорить об одной весьма важной черте виртуального субъекта, избегания любой определенности и любых определений. В том числе и само-определенности, что проблематизирует само определение субъекта как статичного, самотождественного: «все эти взаимобратимости – в том виде, как они проявляются в бесконечном тождестве, – имеют одно следствие: оспаривание личной самотождественности Алисы, утрату ею собственного имени. Потеря собственного имени – приключение, повторяющееся во всех приключениях Алисы»⁵. Подобно Алисе виртуальный субъект так же лишен имени, который есть показатель укорененности в бытии, статичности и стабильности. Вместо одного имени, много имен. И речь в данном случае может идти не только об имени в непосредственном значении, как имени конкретного индивидуума, но имени как определенности вообще.

Может возникнуть вопрос об истоке «много-именности». Возможно, что сам человек пришел к такой необходимости, и в ней не следует усматривать онтологических значений. Однако Делёз отмечает такие сомнения, не человек изыскивает возможность отказаться от имени (что равнозначно получению многих имен), само бытие

⁴ Фуко, М. Герменевтика субъекта. М., 2008. – С. 34.

⁵ Делёз Ж. Логика смысла: Пер. с фр. – Фуко М. *Theatrum philosophicum*: Пер. с фр. – М., 1998. – С. 16.

позволяет это сделать: «...личная неопределенность является не сомнением, внешним по отношению к происходящему, а объективной структурой самого бытия, поскольку последнее всегда движется в двух смыслах-направлениях сразу и разрывает на части следующего за ним субъекта»⁶.

Есть как бы два смысла и два субъекта, есть копия идеи и симулякр. Но это не значит, что действительно существуют два типа субъектов или два вида людей, виртуальных и не виртуальных. Но значит, что есть два различных бытия, соответствующих виртуальному и не виртуальному. Цитируя Эмиля Брейе, Делёз поясняет: «Когда скальпель рассекает плоть, одно тело сообщает другому не новое свойство, а новый атрибут – «быть порезанным». Этот атрибут не означает какого-либо реального качества...наоборот, он всегда выражен глаголом, подразумевающим не бытие, а способ бытия...»⁷. *Виртуальность не новое бытие, а способ бытия. Виртуальный субъект причастен той же реальности, что и любой другой, но отличается способом существования.* Он иначе делает это.

Нельзя сказать, что субъект у Фуко соответствует и этой характеристике субъекта Делеза – ускользанию от определенности, в том числе и самоопределенности. Скорее он стремится к ней и желает ее. В значительной степени определенность в практиках «заботы о себе» достигается посредством Другого. Таким Другим должен быть наставник, который и «конструирует» субъекта: «забота о себе невозможна без наличия наставника. А позиция самого наставника определяется заботой о том, какую заботу о себе проявляет его подопечный. Наставник – это тот, кого заботит забота, которую субъект проявляет по отношению к самому себе. Любовь к ученику выражается в возможности заботиться о той заботе, которую тот проявляет о самом себе»⁸. В данном случае субъект это не конструкт бытия как совокупности сингулярностей, это фигура, возникающая в поле социального, где действительно значим Другой как фактор самоопределения.

Вопросу как он (виртуальный субъект) существует, предшествует вопрос: где? Мы можем ответить словами Делёза: на «поверхности бытия». Анализируя концепцию стоиков, Делёз говорит о возможности существования на «границе бытия», где помещаются «бестелесные сущности», «эффекты», симулякры. Субъект здесь становится объектом, тем, что изменяется и делает это непрерывно. Объектом, так как является «эффектом» бытия, его производным, а точнее произведенным\производимым. Будучи существующим и рассматриваемым как объект, объект-субъект должен рассматриваться как становящееся, а, следовательно, как событие: «неограниченное становление само становится идеальным и бестелесным событием как таковым с характерной для него перестановкой прошлого и будущего, активного и пассивного, причины и эффекта, большего и меньшего, избытка и недостатка, уже есть и еще нет. Бесконечно делимое событие всегда действенно. Непреложно лишь то, что уже случилось или вот-вот случиться, но не то, что происходит...Будучи бесстрастным, событие позволяет активному и пассивному довольно легко меняться местами, поскольку само не является ни тем, ни другим, а, скорее, их общим результатом...»⁹. Такой ракурс рассмотрения человека позволяет говорить о нем как об объекте и субъекте, как о становящемся и уже ставшем, неизменным и изменяющимся, недостаточным и в то же время избыточным.

«Точка отсчета» определения виртуального субъекта будет оказываться точкой его завершения. Можно сказать поэтому, что виртуальный субъект, он же объект, располагается на «поверхности».

⁶ Делёз Ж. Логика смысла: Пер. с фр. – Фуко М. *Theatrum philosophicum*: Пер. с фр. – М., 1998. – С. 17.

⁷ Там же. – С. 19.

⁸ Фуко, М. Герменевтика субъекта. М., 2008. – С. 45.

⁹ Делёз Ж. Логика смысла: Пер. с фр. – Фуко М. *Theatrum philosophicum*: Пер. с фр. – М., 1998. – С. 23.

Место локализации субъекта у Фуко в самом общем смысле уже определено нами, это социум. Однако если пытаться определить его более конкретно, то им оказываются те сферы, в которых разворачивается практика «заботы о себе». Сферы, в которых субъект создается наставником, в которых он возникает именно как субъект, немногочисленны; и они же у Фуко представляют собой направления эволюции самой «заботы»: «вот три основных линии эволюции понятия заботы: диететика (связь между заботой и основным режимом существования тела и души), экономика (связь между заботой о себе и социальной деятельностью) и эротика (связь между заботой о себе и любовными взаимоотношениями). Диететика, экономика и эротика выступают как сферы самореализации субъекта»¹⁰. Очевидно, что здесь нет акцента на специфичность существования субъекта. Эти сферы никак не согласуются с Поверхностью Делеза и его субъектом. Фуко решает вопрос о возникновении субъекта как такового, так как для него очевидно, что он не является константой, субъект историчен, так же как и практики его делающие. Хотя за фактом необходимости его конструирования кроется подозрение в его «разорванности» и частичности. Возможно, что тот, кто у Фуко остается «за кадром» и есть наш искомый «ускользающий» и номадический виртуальный субъект.

Итак, виртуальный субъект, по нашему мнению, отождествим с «Субъектом поверхности» Делеза, или же это субъект, располагающийся на «поверхности». Создается впечатление, что «поверхность» и отождествляемая нами с этой поверхностью виртуальность упраздняет любую дуальность, отменяет ее и делает не существующей. Но это не так. Дуальность, оппозициональность существования сохраняется, но функционирует иначе, говоря словами Делёза «глубина» сменяется «поверхностью». Поверхность сохраняет дуализм, но он меняет смысл, а по Делёзу отождествляется с поверхностью. Позиция равно сторонняя дуализму и монизму¹¹.

И субъект поверхности, он же виртуальный субъект, занимает такое специфическое и даже можно сказать привилегированное положение. Делёз его выражает следующим образом: «Шалтай-Болтай категорично различал два типа слов: «Некоторые слова очень вредные. Особенно глаголы! Гонору в них слишком много! Прилагательные проще – с ними делай, что хочешь. Но глаголы себе на уме! Впрочем, я с ними справляюсь. Световодозвуконепроницаемость! Вот, что я говорю!»... Фактически, световодозвуконепроницаемость говорит еще о чем-то. Шалтай-Болтай противопоставляет бесстрастности событий действия и страдания тел, непоглощаемой природе смысла – съедобную природу вещей, световодозвуконепроницаемости бестелесных сущностей без толщины – смешение и взаимопроникновение субстанций, сопротивлению поверхности – мягкую податливость глубины... Световодозвуконепроницаемость говорит как о границе между этими парами, так и о том, что лицо, расположившееся на границе, – как Шалтай-Болтай на своей стене, – может распоряжаться ими, само будучи световодозвуконепроницаемым мастером артикуляции их различия («Впрочем, я с ними справляюсь»)¹².

Шалтай-Болтай выступает своеобразным аналогом Трикстера, в том смысле, что для того и другого границы прозрачны («Впрочем, я с ними справляюсь!»), однако в случае Шалтая-Болтая, расположившегося на поверхности, нет необходимости их нарушения, перехода который совершает Трикстер. Субъект поверхности не «нарушитель» границы, он просто расположился на ней, о чем и говорит световодозвуконепроницаемость. Более того, он «мастер артикуляции их различия», т.е. он утверждает различия на поверхности, лишает их «глубины», разоблачая их иллюзорность.

Его функциональность есть следствие его парадоксальности существования – непрерывная изменчивость позволяет сохранить единство. Форма Шалтая-Болтая, которая по мнению Д.А. Толпыгина не случайна, позволяет провести аналогию с ря-

¹⁰ Фуко, М. Герменевтика субъекта. М., 2008. – С. 69.

¹¹ Делёз Ж. Логика смысла: Пер. с фр. – Фуко М. *Theatrum philosophicum*: Пер. с фр. – М., 1998. – 480с. – С. 44.

¹² Там же. – С. 44-45.

дом мифологических сюжетов, в которых перво-существа или же само бытие имеет схожую форму. Основной смысл сферического тела заключен в принципе самодостаточности, это единство содержащее в себе множество. Также и субъект поверхности есть точка пересечения множества, а точнее двух их разновидностей «подходящих» к субъекту как бы с разных сторон: с одной стороны- предметы; с другой – события. Предметы образуют мир материальный с присущими ему свойствами. События образуют сферу смысла. В первом случае речь идет о действии, во втором о речи, говорении. Виртуальный субъект действительно находится «на границе», различая предметы и значения/слова, оперируя ими.

Можем ли мы найти соответствие у фукианского субъекта этим характеристикам виртуального субъекта («пограничности», равной децентрированности, и мастерством артикуляции различий, дуальностей). Касательно первого, децентрированности, достижения состояния «пограничности», то в первом приближении можно сказать, что целью практик «заботы о себе» является достижение целостности, обретение того единства, которое называет себя «Я». Однако в случае субъекта поверхности речь идет не только о состоянии раздвоенности, но и о состоянии единства в разделенности. Шалтай-Болтай пример нестабильной сверхстабильности, парадоксального состояния. И возможность разграничения доступна знающему и то, и другое, и единство и раздвоенность. Артикуляция различий есть следствие и право дающееся исходя из бытийственного статуса. По функциональности может быть опознан субъект поверхности или его «аналог» у Фуко.

В «Герменевтике субъекта» мы встречаем только двоих, учителя и ученика, наставника-философа и научаемого. Второй есть объект приложения «заботы» и стремящийся к обретению единства. Первый, исходя из этого, мы можем предположить, уже обладает знанием о единстве, но и о множестве, он тот, кто преобразил себя и постиг истину⁴³. Функция наставника именно в изменении статуса подопечного, и статуса не социального, а бытийственного, так как речь идет о формировании в итоге субъекта.

Виртуальный субъект возникает где-то на пересечении вещей (предметов, тел) и слов (предложений). В точке пересечения образуется смысл, который наряду с субъектом обладает световодозвуконепроницаемостью. А это означает то, что он равноудален и независим и от вещей, и от предложений. Он сам по себе: «смысл абсолютно не меняется от предложения к предложению, противопоставляемых с точки зрения качества, количества, отношения или модальности. Ведь все эти точки зрения касаются обозначения его различных аспектов осуществления, то есть, воплощения в положении вещей. Но они не влияют ни на смысл, ни на выражение»⁴⁴. Смысл по Делёзу всегда проявляет себя как «двойной смысл»: «Смысл – это всегда двойной смысл. Он исключает возможность наличия в данном отношении «здорового смысла». События никогда не являются причинами друг друга. Скорее, они вступают в отношения квази-причинности, некоей нереальной, призрачной каузальности, которая бесконечно вновь и вновь проявляется в этих двух смыслах. Я не могу быть моложе и старше в одно и то же время, в одном и том же отношении, но именно в одно и то же время, и в одном и том же отношении я становлюсь таковым»⁴⁵. «Здравый смысл» о котором упоминает Делёз, основан на бесконечных отсылках одного предложения к другому, связи между предметами. Но сам смысл находится вне всякой связи, изолированно. Это смысл сам по себе, парадоксальный и двоящийся. Удвоение возникает в качестве эффекта поверхности, которая имеет две стороны. Именно поэтому свой смысл находится у вещей/предметов, свой у предложений. Одно без другого не существует и, более того, эти смыслы взаимнообратимы: «...нужно ли излагать события дважды, – ведь оба (случая) всегда существуют в одно и то же время, так как они – две неразрывные стороны

⁴³ Фуко, М. Герменевтика субъекта. М., 2008. – С. 52.

⁴⁴ Там же. – С. 53-54.

⁴⁵ Делёз Ж. Логика смысла: Пер. с фр. – Фуко М. *Theatrum philosophicum*: Пер. с фр. – М., 1998. – С. 54.

одной и той же поверхности, чье внутреннее и внешнее, чье «упорство» и «сверхбытие», прошлое и будущее всегда находятся во взаимообратимой связности?»¹⁶.

Таким образом, смысл находится вне всякого деления и вне любых оппозиций. В свою очередь, это утверждение позволяет находить смысл там, где его раньше не было. Абсурд становится о-смысленным, наделяется смыслом. И это еще одна отличительная черта поверхности и расположившегося на ней субъекта. Для него это своеобразная «воля к нереальному». В нем вмещается все то, чего нет в мире предметов – это грань между реальным и возможным/потенциальным: «...предложения, обозначающие несовместимые объекты, имеют смысл. Однако их денотация при этом совершенно не выполнима. Нет у них и сигнификации, которая определила бы саму возможность такого выполнения. Эти объекты существуют без значения, то есть они абсурдны. Тем не менее, они имеют смысл, и нельзя смешивать два понятия – абсурд и истина. Абсурдные объекты – то же, что квадратный круг, материя без протяженности, *perpetuum mobile*, гора без долины – это объекты «без места», они вне бытия. Однако, они имеют четкое и определенное положение в этом «вне»: они из «сверхбытия» – чистые, идеальные события, не реализуемые в положении вещей»¹⁷. Это действительно особый способ существования, сводящий реальное к минимуму и поэтому находящийся «на границе» предметов. Однако компенсирующий эту «недостачу» знаково, «утверждающий себя в предложении».

Упразднение дуальности на поверхности противостоит ее утверждению на сторонах поверхности. Это связано с процессом смыслопорождения, который имеет место только в рамках существования вещей и предложений. Означающее предмет имеет смысл, который обозначается другим означающим со своим смыслом и так далее. В результате образуются серии или мультисерии¹⁸. Это вечное противоборство означающего и означаемого, разворачивающегося на поверхности; за ним кроется циркуляция амбивалентностей; избытка и недостатка, сакрального и профанного и т.п. Сам Делёз оценивает ее следующим образом: «каковы же характеристики этой парадоксальной инстанции? Она непрестанно циркулирует по обеим сериям и тем самым обеспечивает их коммуникацию. Это двулика инстанция, в равной степени представленная как в означающей, так и в означаемой сериях. Она – зеркало. Она сразу и вещь и слово, имя и объект, смысл и денотат, выражение и обозначение, и так далее. Следовательно, это она обеспечивает схождение двух пробегаемых ею серий, но при условии, что сама же вынуждает серии все время расходиться. Ее свойство – всегда быть смещенной относительно самой себя...»¹⁹.

Неустойчивость как главное свойство, отсутствие своего места, неуловимость отличает виртуального субъекта от других, но это же можно сказать и о виртуальных объектах. Отсутствие везде («субъект без места») в нашем случае означает присутствие везде, что вполне согласуется с пониманием виртуальных частиц в физике.

Возникновение такого субъекта не является случайным или аномальным, поверхность нуждается в нем, в границе между дуальностями. Такое понимание субъекта несколько отличается от большинства антропологических воззрений, которые акцентируют одну из сторон человека, одну сторону поверхности. Человек оказывается существом избыточным или недостаточным, но не тем и другим сразу. Между тем, как избыточность и недостаточность есть неразрывное целое, так же как духовное и телесное в человеке. Делёз показывает, что любая дуальность имеет границу – это структура, которая применима и к человеку – который становится субъектом поверхности и находится всегда «между»: «это символическая значимость нуля, то есть, знака, кото-

¹⁶ Там же. – С. 56.

¹⁷ Делёз Ж. Логика смысла: Пер. с фр. – Фуко М. *Theatrum philosophicum*: Пер. с фр. – М., 1998. – С. 57.

¹⁸ Там же. – С. 59.

¹⁹ Делёз Ж. Логика смысла: Пер. с фр. – Фуко М. *Theatrum philosophicum*: Пер. с фр. – М., 1998. – С. 63.

рым помечена необходимость символического содержания, дополнительного к тому содержанию, что уже наполняет означающее, но которое при том может принять какое угодно значение, лишь бы последнее находилось в доступном резерве...»²⁰.

Построение антропологии виртуального возможно только с этих позиций; позиций баланса на грани избытка и недостатка, обозначающего и обозначаемого, реальности и потенциальности. Если вспомнить аристотелеву структуру существования: возможность-энергия – энтелехия, то онтология виртуального покоится на равновесном перетекании, циркуляции энергии по всей структуре. Энергия оказывается тем «пассажем без места», о котором говорит Делёз, виртуальным субъектом-объектом и эзотерическим словом.

Еще раз вернемся к тому, чем для нас является виртуальный субъект:

1. Это элемент системы-структуры, под которой понимается как сущее, так и слово о сущем, то есть теория.

2. В качестве элемента структуры субъект выполняет функции коммуникации серий структуры, их разделения и соединения, а также «ветвления».

3. Виртуальный субъект (субъект поверхности) обеспечивает распределение сингулярностей между сериями.

4. Также наделяет смыслом (сообщает смысл) каждой из серий. Означающая становится, в результате, означающей; означаемая означаемой.

Субъект у Фуко, возникающий через практики «заботы о себе», тоже обладает схожими характеристиками:

1. Это часть социума, о чем говорят практики, создающие субъективность как таковую.

2. В качестве субъекта выполняет функции преобразования и преображения самого себя.

3. Наставник-философ («аналог» виртуального субъекта) помогает овладеть практиками ведущими в созидаанию субъекта (и в итоге овладению истиной).

4. Это, в свою очередь, свидетельство знания о различии единства (субъективности) и частичности (до-субъективности).

Вместе с тем, способность различия или знание о возможности личностного и до личностного не могут служить основанием для отождествления субъекта поверхности Делеза и философа-наставника Фуко. Практика как определяющая категория для данного субъекта ничего не позволяет сказать как о виртуальности, так и актуальности, хотя последнее бесспорно применительно к фукианскому субъекту в «Герменевтике субъекта». В плане сущности, таким образом, мы не находим сходства, но в плане существования, функционирования вполне возможно.

Подводя итог сравнению трактовок субъекта у Делеза и Фуко, мы можем сказать, что искомый нами виртуальный субъект отождествим с делезовским «субъектом поверхности». Его онтологический статус раскрывается в категориях становления, сингулярности, структуры, смысла и ряда других. Субъект у Фуко конституируется, преимущественно, с помощью категории практики, что не позволяет прийти к базовому для нас противопоставлению актуальное – виртуальное и, соответственно, определить его как виртуального.

Онтологические основания виртуального субъекта определены нами следующим образом: это элемент системы-структуры, под которой понимается как сущее, так и слово о сущем, то есть теория; виртуальный субъект децентрирован, что соответствует ускользанию от определенности, в том числе и самоопределенности; в качестве элемента структуры субъект осуществляет коммуникации серий структуры, их разделения и соединения, а также «ветвления»; также наделяет смыслом (сообщает смысл) каждой из серий, означающая становится, в результате, означающей; означаемая означаемой (артикуляция различий).

²⁰ Делёз Ж. Логика смысла: Пер. с фр. – Фуко М. *Theatrum philosophicum*: Пер. с фр. – М., 1998. – С. 76.

Список литературы

1. Делёз Ж. Логика смысла: Пер. с фр. – Фуко М. *Theatrum philosophicum*: Пер. с фр. – М.: «Раритет», Екатеринбург: «Деловая книга», 1998. – 480с.
2. Фуко М. Герменевтика субъекта. – СПб.: Наука, 2007. – 667с.

ANTHROPOLOGICAL DIMENSION OF VIRTUAL REALITY

R. A. Dunaev

*Belgorod
State University*

*e-mail:
Dunaev@bsu.edu.ru*

The paper deals with the problem of anthropology of virtual reality and reveals ontological grounds of the virtual subject in the framework of M.Foucault's and G.Deleuze's conceptions. It is noted that the virtual subject is a consistent part of the being structure, it is de-centred and fulfils the functions of differentiation and sense-making.

Key words: virtual, subject, ontology.